

Всю дорогу Ша Би думал: неужели я извращенец? Неужели я извращенец? Неужели я извращенец.

Ура, старик стал извращенцем!

Оба добрались до кабинета научного руководителя.

Руководитель застрял в пробке по дороге и ещё не приехал.

Ша Би хотел взять реванш перед Бай Туном, долго ломал голову, и вдруг в мозгу словно просветлело: «Вжух!»

К счастью, у него всё-таки имелась соображалка — спасибо папе с мамой и родовым хромосомам.

Ша Би обратился к Бай Туну:

— Ты ведь ещё не придумал тему диплома? Могу помочь.

Бай Тун посмотрел на него как на дурачка, прищурившись:

— Какой же ты добрый.

Не успел Ша Би порадоваться и двух секунд, как услышал слова Бай Туна:

— Без тебя было бы ещё лучше.

Ша Би помрачнел.

Мужская гордость и государственная территория непосягаемы.

— Ты что, думаешь, сам сможешь написать? Если не напишешь, руководитель тебя точно не выпустит! Когда завалишь выпуск и прибежишь ко мне со слезами, будет уже поздно!

Бай Тун ответил:

— Ого.

— Но если ты сейчас попросишь меня, я так и быть помогу, — хвост Ша Би чуть не задирался

до небес. — Говорю тебе, я знаю одного надежного человека на заказ. Мою работу он писал, профессор даже не заметил и ещё похвалил, как хорошо написано!

Бай Тун указал на ухо:

— Громче, не слышно.

Ша Би повысил голос:

— Писака помог мне отлично написать, рекомендую тебе!

Бай Тун с бесстрастным лицом произнёс:

— Вау, у тебя академический плагиат.

Ша Би возразил:

— Да все пользуются заказными работами!

— Правда? — внезапно вклинился чей-то голос.

Ша Би не успел сообразить и, чувствуя себя правым и уверенным, выпалил:

— Точно!

В следующую секунду стопка толстых книг обрушилась прямо на него.

— Заказная работа?! Академический плагиат докатился до меня!

Профессор Фу опоздал всего на несколько минут и услышал столь дикие речи!

У него подскочило давление, чуть инфаркт не хватил.

К счастью, в кабинете стоял кулер с водой.

Приняв стакан тёплой воды от Бай Туна, профессор Фу сделал медленный глоток.

Только тогда он пришёл в себя.

Хотя чуть было не отбросил коньки окончательно.

— Отлично! Просто великолепно! Переписать всё с нуля! Я обязан доложить об этом вашему куратору группы! Довели меня до белого каления! Мало тебе отсрочки выпуска, так ещё напишешь мне тысячезначное... то есть трёхтысячезначное объяснительное эссе!

Профессор Фу тяжело задышал, с грохотом колотя книгами по столу.

Ша Би вскинул руки в жесте мольбы:

— Нет! Профессор, выслушайте меня!

Профессор Фу:

— Не слушаю, ничего не слышу!! Скажешь ещё хоть слово — объём эссе увеличится до шести тысяч!

Губы Ша Би задрожали, он отчаянно забормотал:

— Вообще-то я пошутил!

Профессор Фу:

— Десять тысяч!

Ша Би признал поражение и чуть не рухнул перед профессором на колени.

Бремя дипломной работы оказалось невыносимо для живого организма.

Зная заранее, он, Ша Хуацян, ни за что не сел бы на этот мопед!

Ша Би со слезами на глазах всхлипнул:

— У-у-у, хорошо.

Профессор Фу испытывал отвращение при одном взгляде на Ша Би и велел ему катиться отсюда побыстрее.

Ша Би покатился.

Профессор Фу наконец сберег остатки своей репутации, но, подняв голову, обнаружил — о боже, перед ним стоял Бай Тун, и эти остатки репутации вот-вот будут окончательно утрачены.

Профессор Фу открыл на компьютере черновой план диплома Бай Туна.

Бай Тун рефлекторно достал блокнот и приготовился конспектировать.

Стоит признать, профессиональный подход Бай Туна пришёлся профессору Фу по душе.

Вот именно, так и должен вести себя прилежный студент.

Профессор Фу невольно улыбнулся.

Но тут же осёкся, и улыбка исчезла.

— Раз крутится рядом с таким плагиатчиком, как Ша Би, вряд ли тут есть подлинное усердие, наверняка просто притворяется!

— Хм! — холодно фыркнул профессор Фу и выделил несколько вопросов: — После скрещивания древнего чайно-гибридного аромата с современной розой первое поколение обычно обладает хорошей устойчивостью к болезням, так почему же у второго поколения устойчивость хуже, чем у первого?

Бай Тун неторопливо ответил:

— Ген жёлтых цветков у шиповника привносит крайне низкую устойчивость к болезням.

Профессор Фу приподнял веки, быстро просмотрел план дипломной дважды и обвёл несколько ключевых моментов.

— Направление работы неплохое, мне нравится... Ты правда сам это написал? — профессор Фу не слишком-то верил. — Неужели и ты заказал работу на стороне? Послушай, Бай Тун, раз уж мы здесь за закрытыми дверями, можно сказать, одна семья, скажи учителю правду. Если это чужой труд, то я закрою глаза, только признайся, ладно? Скажи правду, и преподаватель не станет преследовать тебя по закону.

Бай Тун ответил:

— Академический плагиат противозаконен, учитель.

Профессор Фу даже удивился:

— С чего ты вообще решил заняться этой темой? Сейчас тема селекции роз совсем не в моде.

Бай Тун выпалил:

— Нравится.

Простой и прямой ответ заставил профессора Фу на мгновение замереть, а затем громко рассмеяться.

— Люблю я таких упрямых дурачков, как ты!

Бай Тун: вмиг растерялся, похвала это или...

Профессор Фу продолжил:

— Раз у тебя действительно есть идеи, пиши диплом толково и добросовестно! Используй его как трамплин и поступай в магистратуру! Сейчас мало кто занимается селекцией. Взять ту же вишу — все гонятся за черешней, местную вишню никто не поддерживает. Если ни ты, ни я не станем поддерживать селекционеров, когда же наступит просвет?

Бай Тун терпеливо выслушивал его нравоучения.

Вдоволь понастальгировав, профессор Фу протянул Бай Туну контактные данные:

— Если для экспериментов не хватит данных, обратись к этому старшему товарищу и скажи, что я направил. До защиты диплома ещё далеко, спешить некуда, сходишь, согласишься на месте, разберёшься, поучишься, а диплом пиши на совесть.

Хотя профессор Фу выражался резковато, вспомнив, что по сюжету тот в конце концов схватит инсульт из-за забывчивости вовремя принять лекарства, Бай Тун внезапно простил его.

И заботливо налил профессору Фу стакан тёплой воды, наказав:

— Не забывайте вовремя принимать лекарства.

Профессор Фу приподнял веки, решив, что с этим парнем иметь дело можно — заботливый.

Тот, кто умеет проявлять заботу о людях, плохим человеком не станет.

.

На четвёртом курсе занятий почти не было, и после прохождения практики все сосредоточились на подготовке дипломных работ.

Выходя из корпуса, Бай Тун заметил вдоль дорожки распустившиеся белые цветы неизвестного происхождения и с умиротворённым видом задержал на них взгляд.

Среди шуршания опадающей листвы Бай Туну позвонил Се Минчжу и попросил помочь с переездом.

Положив трубку после разговора с Се Минчжу, он встретил на обочине Пэн Фаня.

Пэн Фань припарковал машину у дороги и, заметив Бай Туна, приподнял бровь:

— Чего это ты сегодня в университет пожаловал?

В бытность свою прежний хозяин тела проводил время не слишком радостно: окружающие то и дело дразнили его толстяком, либо просто игнорировали, а Ян Ша не желала тратить деньги на его проживание в общежитии в качестве «высококласного увальня».

Сложившись воедино, эти обстоятельства привели к тому, что у него почти не было друзей, характер замкнулся, развилась пугливость и стойкая неприязнь к учёбе. Можно сказать, что его до сих пор не отчислили во многом благодаря милосердию профильных преподавателей, ну или потому, что никто не хотел портить статистику выпуска из-за какого-то мусора.

Поэтому Пэн Фань удивился:

— Знал бы, что приедешь, подвёз бы. Зачем заглядывал?

Бай Тун ответил:

— Обсуждал с научным руководителем дипломную работу.

— А, — Пэн Фань почесал затылок. — Я совсем забыл, что ты уже выпускаешься. Руководитель доволен выбранной темой? Студенческая дипломная — сущая формальность, не переживай, просто делай как говорит преподаватель.

Встретившись с Бай Туном, Пэн Фань почему-то чувствовал неловкость.

Из слов собственного отца он уловил неприятную правду и какое-то время старался избегать встреч с Бай Туном.

На самом деле ему ужасно хотелось расспросить Бай Туна о том, что произошло той ночью, но совести на это не хватало.

Бай Тун ответил:

— Понятно.

Зная, что успехи в учёбе у Бай Туна оставляют желать лучшего, Пэн Фань из каких-то побуждений произнёс:

— Если возникнут трудности с дипломом, можешь обратиться ко мне. Тебе всё равно рано или поздно придётся научиться просить о помощи.

Ты же студент экономического факультета, как ты можешь помочь специалисту по селекции?!

Столкнувшись с потоком напускного доброжелательства, Бай Тун мог думать лишь о том, что запоздалая «любовь» дешевле травы.

С совершенно бесстрастным лицом и глубоко просветлённым видом, словно собираясь прочесть молитву, Бай Тун вымолвил:

— Оставь стремление помогать людям, не то заработаешь узел в груди.

— Тц! — Пэн Фань искренне не понимал, как Бай Туну удаётся с таким «невинным» выражением лица выдавать подобные бешеные фразы, от которых во рту словно застревает сухой яичный желток, готовый придушить до смерти.

Он от неожиданности лишился дар речи. Они встретились взглядами: глаза Бай Туна были безмятежны, словно глубокое море, темны и прекрасны.

Обладая смазливой мордашкой, он имел до крайности вредный характер.

Как ни посмотри, идеальный кандидат на то, чтобы отхватить тумачков в тёмном переулке.

Тёмная глухая ночь, мрачный сырой переулок, смазливый красавец... Ну просто готовый сюжет для веб-романа объемом больше мегабайта.

Пэн Фань вдруг ощутил себя старшим братом, опекающим младшего.

Он заметил:

— С чего это я раньше не замечал, что ты вполне симпатичный?

Бай Тун с невозмутимым видом ответил:

— Ты и раньше не замечал моей богатой души.

Пэн Фань машинально подхватил:

— С тремьятами с лишним фунтов веса?

Бай Тун парировал:

— Не слышал, у меня ушей нет, сейчас как дам с обеих рук.

Пэн Фань рассмеялся, вальяжно прислонившись к машине, шагнул вперед и перехватил руку Бай Туна:

— Бей-бей, давай, ударь меня.

Разумеется, при условии, что у собеседника хватит духу.

— Серьёзно бить? — Бай Тун впервые в жизни столкнулся с настолько нелепой просьбой и даже растерялся.

Его лицо и без того отличалось скупой мимикой, а когда он моргал от удивления, то выглядел совершенно ошеломлённым... и чуточку милым.

Эта внезапная мысль заставила Пэн Фаня слегка покраснеть.

Пока он прибывал в задумчивости, Бай Тун произнёс:

— Ладно, чего не сделаешь ради удовлетворения твоих странных склонностей.

Хлоп!

Звучная пощёчина сочным шлепком пришлась прямо по щеке Пэн Фаня.

Пэн Фань остолбенел, а в голове крутилась лишь одна мысль:

«Меня даже родная мать никогда не била!!»

— Эй? — Бай Тун помахал рукой перед глазами Пэн Фаня. — Ты~ в порядке?

Растянутые в волнах интонации.

Никакой реакции.

Бай Тун поморгал, поведив рукой перед лицом Пэн Фаня, а затем заметил, как ресницы парня намокли, и бусинки слёз заблестели в уголках глаз.

Неужели правда?

Бай Тун бесстрастно констатировал:

— Ты расплакался.

Пэн Фань поспешно смахнул слёзы:

— Ничего подобного!

Он отвернулся, чувствуя себя невероятно глупо — подумаешь, пощёчина?

Пусть даже всего одна пощёчина, зато какая увесистая!

Откуда в такой маленькой руке столько силы, что удар вышел чертовски болезненным?

Будто прочитав его мысли, Бай Тун окинул взглядом собственную ладонь и пожаловался:

— Какая у тебя толстая кожа, мне аж руку отбило.

Пэн Фань:...ну надо же, какое упущение, приношу глубочайшие извинения за беспокойство столь нежным ручкам.

— Садись в машину! Домой! — Пэн Фань затолкал Бай Туна внутрь салона, кипя от внутреннего возмущения.

Он отчётливо понял: Бай Тун и правда изменился.

Уверенный в себе.

Немного заторможенный.

Не сказать чтобы чересчур оживлённый, но забавный.

И чертовски раздражающий.

Пэн Фань опустил стекло, позволяя прохладному ветру остудить кровь, и бросил косой взгляд на Бай Туна.

Тот смотрел в окно, краски пёстрого мира отражались в его глазах, словно отделённые тончайшей пленкой, и постепенно угасали.

Он продолжал монотонно растирать ладонь, раз за разом, сохраняя на лице абсолютное безразличие.

Пэн Фань подумал, что этот парень и впрямь невероятно избалован.

Умудрился отбить себе руку, когда сам же и ударил человека.

В этот момент Бай Тун повернул голову, его тонкие и густые ресницы дрогнули, чистый взгляд устремился на Пэн Фаня, и он снова поднял ладонь.

Пэн Фань на секунду замер, подавшись вперёд по инерции — ему захотелось по привычке подуть на больное место, но вместо этого он услышал вопрос:

— Скажи, а это засчитывается как производственная травма?

Ха-ха-ха-ха... чёрт побери!

Лицо Пэн Фаня вспыхнуло пунцовым цветом.

Главным клоуном в этой истории оказался он сам!

От автора:

Вообще-то это ранобе в жанре мэри сью / гаремника!

<http://bllate.org/book/21952/2280880>